

Жизнеспособность российского общества

Вынесенное в заголовок статьи понятие «жизнеспособность» является, быть может, центральной характеристикой любого общества. В России последних лет тема жизнеспособности, равно как и выживаемость, привлекает многих ученых. Однако сами эти понятия в русском языке несут, скорее, естественную, биологическую нагрузку, чем социально-научную, к тому же усиливающуюся возникшей модой на определенную биологизацию общественных процессов. Тем острее оказывается необходимость движения от интуитивного к более или менее строгому пониманию относительно новых для отечественной общественной науки терминов.

Представление о том, что каждое явление, каждый субъект постоянно сталкиваются с бесконечной системой угрожающих им опасностей, следует принять как фундаментальное, т. е. методологически необходимое и обязательное для определения понятий жизнеспособности, выживаемости. Наука рассматривает опасность как фактор, снижающий полноту жизни, порождающий внутреннюю дезорганизацию сообществ, народов и т. д. Отсюда под выживаемостью в первом приближении можно понимать способность соответствующего субъекта сохранить свои жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы. Их выход за рамки нормы под воздействием опасностей приводит субъекта к дезорганизации, которая может принять необратимую форму, ведущую к катастрофе, гибели. Под катастрофой я понимаю распад большого общества как целого, крушение государства, его неспособность выполнять функции интеграции. Понятие катастрофы может быть использовано для описания любого общественного субъекта: например, катастрофой может быть названо банкротство предприятия или распад оркестра.

Накопление опыта воздействия на людей такого рода факторов и их последствий позволяет по крайней мере в принципе дать количественные характеристики разным опасностям, определить вероятность их возникновения для человечества или отдельных сообществ. Количественная оценка в конечном итоге позволяет искать пути ограничения опасностей, уклонения от них. Возникает и потребность оценить ситуацию с точки зрения близости (либо удаленности) к одному из двух полюсов оппозиции, т. е. к практической безвредности, безопасности или к катастрофе.

Любая опасность для человека — нечто большее, чем угроза существованию. А. Тойнби ввел удачное понятие — *«вызов истории»*. Оно констатирует, что опасность — не только возможность подавления человека, общества, их жизненных сил, но и фактор, способный стимулировать человека к адекватному ответу на нее активизацией своих творческих сил. Опасность как важный жизненный стимул не может игнорироваться исследователями. Существование «вызова истории», требующего от человека ответа не только в теории, но и во всех аспектах его практической жизнедеятельности, говорит о неоднозначности не только понятия опасности, но и понятия жизнеспособности.

Понятие «вызов истории» помогает осознать, что существует важное различие между выживаемостью и жизнеспособностью. Выживаемость — прежде всего констатация того, что есть некоторый совпадающий с жизнью процесс, реальная жизнь; есть жизнь личности, жизнь общества; есть жизнь сообщества, например предприятия. Выживаемость лишь в первом приближении может быть сведена к инерции жизни, к тому, что все существующее имеет некую инерцию существования, т. е. субъект выживает просто потому, что существует. Само существование субъекта в условиях непрерывного

Ахиезер Александр Самойлович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

потока опасностей требует иного объяснения выживаемости — она определяется чем-то большим, чем просто использование сложившихся функций, их бесконечное повторение. Реально жизнь людей определяется их способностью преодолевать ограниченность имеющегося опыта, постоянно его наращивать. Для характеристики этого явления требуется более содержательное понятие, чем выживаемость, например жизнеспособность.

Жизнеспособность может быть понята как способность субъекта обеспечить свою выживаемость через самосовершенствование. Жизнеспособность — категория, близкая к категории «воспроизводство», т. е. способность субъекта воспроизводить себя, свою культуру, свои отношения вопреки бесконечному потоку опасностей, преодолевая их и отвечая на них соразмерно реальному вызову истории.

По отношению к российскому обществу тема жизнеспособности приобретает особую окраску. Здесь в результате внутреннего раскола сложились существенные различия в культурных программах разных групп, нацеленных на сохранение своей выживаемости. Эти программы существуют часто одновременно и разрушают друг друга. Отсюда необходимость при анализе проблем выживаемости и жизнеспособности в России рассматривать прежде всего культурный фактор. Введение этого компонента позволяет под принципиально иным углом зрения оценить значимость проблемы жизнеспособности и у различных групп населения, и во всем обществе. Очевидно, у людей, борющихся за существование примитивными средствами, иное отношение к любому мыслимому набору факторов, чем у лиц, опирающихся на достижения науки. Это иное отношение выявляется в самой процедуре принятия решений, в тех оппозициях, которые в соответствующей (суб) культуре являются определяющими при принятии решений. Поэтому изучение выживаемости того или иного народа должно исходить из его собственного, подчас достаточно иррационального отношения к выживаемости, к росту жизнеспособности. Само это отношение — внутреннее содержание выживаемости, жизнеспособности, ключ к их пониманию. Этот ключ можно найти при анализе принятия решений.

Различные типы принятия решения приобретают разные организационные формы, вплоть до разных типов государственного устройства. Это дает основание рассматривать в качестве важного критерия выживаемости способность государства обеспечить функционирование большого общества, уберечь народ от разрушительных междоусобиц, от иноземного рабства, обеспечить необходимый минимум условий для воспроизводственного процесса, возможно, для развития и прогресса, для повышения жизнеспособности. Понять, почему это не всегда удается, — значит проникнуть в тайну механизма принятия решений, вырабатываемых государством, обществом в целом.

Жизнеспособность в начале пути России

Анализ выживаемости и жизнеспособности России на любом этапе ее развития следует начать с выявления господствующего в тот момент пласта, типа культуры, содержащейся в нем специфической программы синтеза культуры, реализуемой в любом акте осмысления, принятия решений, в любом акте, обеспечивающем выживаемость. Свой исторический путь Россия начала в условиях господства традиционной культуры [1]. Ее можно назвать вечевой, что связано с господством вечевой формы управления, составляющей сердцевину образа жизни народа. Синтез, который могла обеспечить эта культура, был нацелен на сохранение исторически сложившейся формы выживаемости соответствующих сообществ, на неизменную эффективность жизнеспособности. По сути, эта специфика присуща всем традиционным обществам.

Вечевой тип культуры пронизан ритуальными, некритически воспринимаемыми представлениями. Для него характерна пронизанность жесткими стереотипами, противостоящими инновациям. Страх перед инновациями органически связан с содержащимся в вечевой культуре представлением о личности только как о носителе способности раствориться в целом. Выживаемость личности в этой культуре не была самоценностью, но лишь условием и средством для выживаемости некоторого целого, т. е. архаичных сообществ — патриархальной семьи, рода, кровнородственной, а затем территориальной общины и, наконец, государства.

На основе вечевого идеала возникали предгосударственные образования, первое на нашей земле государство — Киевская Русь. Однако при возникновении государства, а возможно, и предгосударственных образований, выявился процесс разрушения древнего синкретического вечевого идеала, распад его на два. Он распался в соответствии с двумя типами семейных отношений, которые на догосударственном этапе всегда лежали в основе идеалов организации общества. В основе соборного идеала лежало отношение братьев между собой, в основе авторитарного — отношение отца и его детей.

Два типа идеала несли с собой не только сходство, но и важное отличие в программе синтеза,

достигаемого в процессе принятия решений. Их сходство заключалось прежде всего в том, что как соборная, так и авторитарная программы принятия решений были ориентированы на сохранение общества в неизменном подчинении абсолютным нравственным идеалам, хотя сами эти идеалы были различны. Оба типа решений противостояли повышению жизнеспособности, были нацелены на ее сохранение в неизменном состоянии, хотя и на различной основе. Соборный идеал нес в себе программу сохранения общества на основе соборного механизма, т. е. собрания глав локальных образований, например крестьянских семей, общин родов, съездов князей и т. д. Авторитарный идеал создавал основу для включения в решение любой проблемы воспроизводства института власти, соответствующей процедуры принятия решений. Личность, ее выживание в обоих случаях оценивалась позитивно лишь в той степени, в какой она отказала себе в праве быть источником выходящих за рамки статичного идеала инноваций.

Однако между этими идеалами наметилось существенное различие. Соборный идеал в отличие от авторитарного тяготел к *локализму*, т. е. к воспроизводству общества на основе ограниченных локальных образований, где все знали друг друга в лицо, где интеграция основывалась на эмоциональных механизмах. Локализм противостоял образованиям государственного типа, государству Киевской Руси. На этом этапе истории задача формирования государственности так и не была последовательно решена.

Две разновидности древнего вечевого идеала не выводили общество за рамки стремления воспроизводства при неизменной жизнеспособности. Это не значит, что древнерусское общество не пыталось отвечать на новые вызовы истории, но специфика ответов заключалась в том, что они не пытались выйти за рамки экстенсивных методов, увеличения своих ресурсов за счет новых земель, включения в орбиту своего влияния других народов и стран. Все подобные попытки совершались в основном на основе господства решений, формировавшихся в локальных рамках, т. е. стремящихся сохранить выживаемость на уровне княжеств. Это привело к гибели Киевскую Русь практически до захвата ее иноземцами, что свидетельствовало о банкротстве господствующего типа выживаемости, самой попытки сформировать, сохранить большое общество.

Жизнеспособность досоветской России

Авторитарная альтернатива соборному локализму Киевской Руси также оказалась несостоятельной. Великую Смуту начала XVII века можно рассматривать как новое банкротство выживаемости, распад большого общества, государства под нажимом активизирующегося локализма. В этих событиях погибло до трети населения страны, что вкупе с крахом государства можно рассматривать как национальную катастрофу, как неспособность общества сохранить свою жизнеспособность на ранее достигнутом уровне.

Российское общество не имело в своем арсенале новых вариантов программ принятия решений. Оно ответило на катастрофу, на разгул локализма новым авторитаризмом, но на этот раз более последовательным, достигшим при Петре I крайних форм, переходящих в тоталитаризм. Это была попытка довести до крайних пределов экстенсивные методы, выжать из них все, что возможно для сохранения выживаемости. Усиление авторитаризма, который, по сути, не выходил за рамки формы, отколовшейся от вечевого идеала, выявило, однако, важное обстоятельство. Сам характер авторитаризма требовал (в противоположность соборному локализму) перехода на абстрактный язык общения (прежде всего через письменность), предполагающий массовую грамотность, подчинение общества абстрактным законам, безличному государственному аппарату. Результатом этой тенденции стало усиление значимости абстрактного мышления, что создало определенные предпосылки для последующего теоретического поиска путей повышения жизнеспособности.

На основе авторитаризма оказалось возможным приобщение к каким-то ограниченным и неадекватно понятым ценностям иных народов, тех, которые явно продемонстрировали достаточную жизнеспособность, опираясь на развитие науки и техники. Можно сказать, что авторитаризм смог включить в программу своих решений элементы развития. Однако попытки заимствовать интенсивные методы и использовать их в России опосредовались, как правило, экстенсивными решениями, насильственным внедрением просвещения. Тем не менее в стране усилился интерес к западному либерализму, к культуре новой для России либеральной суперцивилизации. Эта культура несла в себе принципиально иное отношение к выживаемости и жизнеспособности на базе нового типа решений.

Судьба либерализма в России не похожа на судьбу западного либерализма. В России его почвенная база всегда была слаба. Он возник и развивался на фоне массового господства разновидностей вечевого идеала. В основе развития российского либерализма лежит прежде всего *неспособность общества ответить на*

вызов истории другими долиберальными типами синтеза, из-за чего даже самые ярые противники либерализма пытались использовать его достижения, при этом искажая его до неузнаваемости.

Другим источником развития либерализма в России стал *утилитаризм*, утилитарный нравственный идеал, возникший в стране много веков назад. Для него характерно стремление к поискам средств повышения эффективности деятельности. Утилитаризм возник как умеренный ответ на потребность повысить эффективность жизнеспособности посредством интенсивных методов, как стремление накапливать ресурсы, получать их в готовом виде путем захвата, заимствования, выпрашивания и т. д. В дальнейшем появился и *развитой утилитаризм*, отличающийся от умеренного повышением ценности интенсивных методов воспроизводства, осознанным пониманием связи личного труда, воспроизводства с его результатами. Именно развитой утилитаризм (хотя он и был нацелен на адаптацию к вечевому обществу, к его локальным сообществам) представляет собой серьезную опасность для традиционализма, для его схемы принятия решений, включающей воспроизводство уравнилельных отношений.

Развитие в обществе утилитарного типа синтеза — важная и необходимая предпосылка либерального синтеза. Утилитаризм своей способностью фокусации в процессе принятия решений на поиск все более совершенных средств представлял собой логически необходимое звено перехода к либерализму с его способностью фокусировать решения вокруг формирования целей, высших ценностей жизни, культивирования разнообразия ценностей образа жизни, качества жизни. Это проявлялось также в форме разнообразия товаров и услуг, ведущих к преобразению повседневности. Либерализм отличается от утилитаризма тем, что его основание сформировано в процессе непосредственного обращения к высшим этажам культуры, к высшим ценностям, накопленным человечеством.

При Петре I достигло завершенной формы явление, возникшее значительно раньше и получившее название *раскол*. Его суть заключалась в том, что разнообразие существующих в обществе нравственных начал, программ воспроизводства, принятия решений приобрело форму не культурного плюрализма, опирающегося на некоторый базовый консенсус а *распада единого смыслового поля*. Этот распад противостоит диалогу и приводит к взаиморазрушению противостоящих программ вынесения решений, к взаиморазрушительным процессам в обществе [2]. Раскол означает, что в обществе одновременно существуют *два типа воспроизводства выживаемости, жизнеспособности*, т. е. выживаемости на основе воспроизводства его в неизменном состоянии и одновременно на основе постоянного повышения абсолютной жизнеспособности. Специфика раскола в том, что эти два типа воспроизводства разрушают друг друга. Данное обстоятельство постепенно становилось центральным, определяющим характер выживаемости общества, возможности обеспечения жизнеспособности, противостояния очередному банкротству общества и государства.

Раскол приобретал разнообразные формы. Важнейшей его формой, имеющей непосредственное отношение к воспроизводству выживаемости и жизнеспособности, был раскол между растущей массовой потребностью в потреблении как государством, так и всеми людьми, с одной стороны, и массовой потребностью в формировании, освоении соответствующих видов труда, воспроизводства — с другой. Среди потребностей государства следует указать в первую очередь на связанные с имперскими амбициями, со стремлением к завоевательным войнам.

Жизнеспособность российского общества начиная с возникновения государственности поддерживалась в основном экстенсивными методами, прежде всего на базе форм вечевых идеалов. Однако такое культурное основание постепенно оказывалось недостаточным в связи с усложнением подлежащих разрешению проблем. Все это стимулировало власть переходить к более совершенным методам решений, к либерализму, т. е. стимулировать движение к более совершенным цивилизационным формам, включающим соответствующее развитие культуры, системы отношений. Однако попытки создания более прочного фундамента повышения эффективности жизнеспособности, выразившиеся в целом ряде попыток реформ — от петровских до столыпинских,— привели к столкновению сил традиционализма и умеренного утилитаризма, с одной стороны, и либерализма и развитого утилитаризма — с другой. Энергетический потенциал в стране с подавляющим превосходством традиционного крестьянства, живущего натуральным хозяйством, оказался на стороне вечевых идеалов с его бессилием перед реальным решением проблем развития жизнеспособности. Это привело к третьему в истории России краху государственности, к катастрофическому снижению жизнеспособности, к гибели значительной части населения, сопоставимой с гибелью, имевшей место во второй катастрофе времен Великой смуты.

Жизнеспособность советской России

Советский период, начавшийся с массового избияния как раз той части общества, которая, казалось бы, могла сформировать более совершенные пути повышения эффективности всех форм воспроизводства, оказался в перманентной критической ситуации. Общество вновь попыталось решить свои задачи максимальным напряжением сил, доведением до предела экстенсивных методов мобилизации ресурсов, разрушительной для окружающей среды эксплуатацией природных ресурсов и т. д.

Для оценки жизнеспособности советского общества важно рассмотреть по крайней мере два момента. Во-первых, в результате раскола шел процесс, который на поверхности представлял собой рост жизнеспособности, выступающий в форме роста научно-технического потенциала, урбанизации, могущества государства и т. д. Однако при этом подрывались сами глубинные основы воспроизводства, его личностная основа, разваливались локальные структуры, где, собственно, и происходил массовый производственный процесс. Это подтачивало живые силы общества, его жизнеспособность, в конечном итоге выживаемость. Органический порок советской системы заключался в том, что массы людей считали возможным решить современные сложные проблемы, «навалившись всем миром», методами насилия¹. До определенного момента способность государства постоянно перебрасывать ресурсы на угрожаемые участки, «гасить пожары» поддерживала выживаемость, но одновременно подрывались сами основы жизнеспособности.

Во-вторых, новый этап развития страны, начавшийся с мощного выброса к вершинам власти архаичных ценностей, выявил свою нефункциональность в масштабе большого общества уже в первые месяцы существования нового государства. Соборная, локалистическая по своей природе власть Советов как власть самостоятельных народных общностей на местах не могла стать основой эффективного управления большим обществом. В результате реальная власть перешла к авторитарной власти коммунистической партии.

Массовая активизация архаичных уравнилельных ценностей еще в конце прошлого века вылилась в борьбу большинства крестьян с богатым соседом, т. е. с человеком, выходящим на более сложный, эффективный уровень принятия решений. Это означало, что большинство вступало в самоубийственную борьбу с реальными возможностями массового развития более эффективных программ принятия решений, с силами, способными противостоять снижению порога выживаемости, бороться за повышение жизнеспособности. В ответ на процесс архаизации общества власть повторила попытки использовать (хотя и в архаизированных уродливых формах) научно-технический потенциал западной цивилизации. В крайне идеологизированном обществе это приводило к смещению нравственных идеалов, к смешению различных типов синтеза, программ принятия решений. На советском этапе в деморализованном архаизированном обществе нравственные гибриды, защищенные террором от интеллигентской критики, должны были помочь убедить людей, что различия между типами решений лишь кажущиеся, что по сути их нет. Такие доводы могли иметь успех в статичном обществе. Но в динамичном обществе в ответ на кризисные явления оказалось необходимым периодически менять элементы гибридных идеалов и соотношения этих элементов.

Существование таких гибридов, т. е. попыток в одном и том же решении, в одной и той же голове воплотить разные типы решений, несло в себе опасность появления удивительных «кентавров». Например, впервые в истории человечества удалось создать гигантскую систему народного хозяйства, основанную на натуральных отношениях и одновременно нацеленную на рост и развитие. Очевидно, что натуральная система хозяйства предполагала чисто традиционную систему решений, нацеленную на статичное воспроизводство хозяйственных отношений, тогда как попытка ее развития требовала, наоборот, системы решений, где поиск целей выходил на первый план.

Подобная расколота система принятия решений была нежизнеспособной, она постоянно утопала в дезорганизации. Первобытный страх перед окружающим миром соединился с ненавистью к нему, что было чревато превращением творческого потенциала страны в средство подрыва выживаемости как в масштабе России и зависимых стран, так и в мировом масштабе. Подобное общество могло какое-то время существовать только за счет истощения человеческих и природных ресурсов и подрыва основ выживаемости. Этот крайне искусственный порядок в конечном итоге вновь привел государственность к краху, к распаду большого общества, к новому взрыву локализма, к очередной, четвертой в истории страны катастрофе.

Таким образом, советская система показала беспрецедентные образцы сохранения и даже повышения определенных аспектов потенциала жизнеспособности, но за счет истощения базовых ресурсов, а значит, снижения выживаемости. В конечном итоге это привело к катастрофическому отставанию жизнеспособности от возрастающей сложности назревших проблем, к неспособности дать ответ на очередной вызов истории.

¹ Припоминаю, как в самом конце «застоя» один пожилой кандидат наук доказывал мне, что если в интересах дела надо восстановить рабство, то этого «не надо бояться».

Жизнеспособность постсоветской России

Крах государственности СССР — четвертая в истории страны катастрофа — был результатом неспособности общества выжить в условиях глубокого раскола, решить задачу построения утопического идеального общества, используя утопическое же соединение архаичных и либеральных средств и ценностей, неспособности общества обеспечить свое выживание, достаточную жизнеспособность. Опыт истории России свидетельствует, что в результате подобных катастроф происходят значимая смена господствующего нравственного идеала, их комбинации в обществе.

Крах советской системы, ее нравственных оснований означал массовый поворот от поддержки авторитаризма в его различных формах к локализму, характеризующему массовым стремлением переместить центры власти вниз, в регионы, на предприятия, непосредственно частным лицам, обескровить власть Центра, что стало причиной краха СССР. Резко изменилась вся архитектура выживаемости России. Этот процесс, как и всегда в России, носил характер организационного распада, не компенсируемого соответствующим усилением культурной интеграции.

Крах СССР при всем сходстве с крахом 1917 года нес в себе и существенные отличия. Прежде всего проявилась массовая усталость от крайних форм государственного насилия, которое выражалось не только в массовой терроре, в постоянном вмешательстве в повседневную жизнь, но и в идеологии неизбежности манихейской борьбы с мировым злом. Отход от подобных воззрений практически означает, что исторически присущее России стремление двигаться от одной крайности к другой может если и не исчезнуть совсем, то приобрести сравнительно мягкую форму. Это позволяет рассматривать современный этап ее развития как в известном смысле прямо противоположный манихейскому накалу советского периода, как попытку вернуться к культивированию собственных внутренних сил, как поворот к приватизации всей жизни людей, к культивированию выживаемости и жизнеспособности на личностном уровне.

Сложившаяся в результате краха СССР ситуация, отказ от обанкротившейся советской системы привели к возникновению власти, которая по крайней мере на уровне ценностей предложила *либеральный проект развития общества*. Второй раз (как и после крушения монархии) в России к власти пришли либералы. Это можно рассматривать в контексте попыток преодоления промежуточного состояния, перехода к обществу либерального типа, способному формировать механизм принятия решений, нацеленный на постоянное повышение жизнеспособности, адекватной росту сложности проблем.

Функционирование правительства либерального типа в России столкнулось с серьезными трудностями, основную причину которых следует искать в *слабости почвенных сил либерализма*. Само согласие на либеральную власть стало возможным в ходе поиска некоторого принципа сосуществования многих точек зрения, лишь часть из которых способна включиться в диалог. Либеральная власть в России — во многом результат того, что *локализм*, мотивированный глубинными догосударственными ценностями, *не имеет собственного языка*, на котором можно обсуждать проблемы большого общества, государственности. Такой язык необходим ему для защиты ценностей распада, дезинтеграции, ослабления жизнеспособности в масштабе целого. И он использует в своих целях либеральные лозунги и лексику, поддерживает некоторые внешние формы либерализма, хотя ценности либерализма не только далеки от локализма, но и по сути ему противоположны.

Ныне основная проблема развития жизнеспособности в России зависит от того, хватит ли у либерализма сил для сохранения влияния своих ценностей на общество. Опасно, чревато процессами распада сохранение *гибридности* современного российского либерализма, о котором иногда трудно сказать, является ли он прикрытием разновидностей вечевых ценностей или, наоборот, вечевые ценности — средство для утверждения либерализма. Срыв подобного рода страна уже пережила в октябре 1917 года. Тогда большевизм предложил архаичным силам свой вариант языка, фантастическим образом сочетавший двусмысленность архаики и усеченных элементов того же либерализма. И сегодня сохраняется гибридность, двусмысленность, господствующего идеала. В нем перемешаны архаичные стремления сохранить жизнь, соответствующую некоторому абсолютному идеалу, обеспечивающему необходимый уровень выживаемости (причем по поводу его содержания у разных субъектов существует бесконечное множество точек зрения), и попытки встать на путь роста и развития, постоянного наращивания жизнеспособности. Эти два типа ценностей, идущие от разных суперцивилизаций, в России продолжают разрушать друг друга, постоянно угрожая резким снижением выживаемости.

Существуют, однако, факторы, действующие в противоположном направлении. Возможно, самым важным сдвигом постсоветского периода является качественное изменение основного почвенного слоя общества. Теперь это уже не традиционное крестьянство, не маргиналы, предки которых еще недавно переехали из деревни. В большинстве своем россияне далеко не расстались с традиционной культурой, со стремлением к коллективизму, хотя последний все больше ограничивается общими утилитарными

требованиями к начальству. Он пронизан ценностями утилитаризма, в значительной степени умеренного, но в растущих масштабах и развитого. И если раньше в моменты кризиса судьба России находилась в руках многомиллионного крестьянства, ценности которого господствовали в деревне и городе, то теперь на его место стал городской слой.

Катастрофа, закончившая советский период, создала условия для восстановления нового общества и нового государства на основе тех массовых ценностей, которые соответствуют системам отношений, способных творчески возместить утраченную государственность, элементы большого общества, т. е. его жизнеспособность. Надо сказать, что иллюзии всех революционеров, ждущих после истребления правящего слоя чудесного преобразования общества, питает игнорирование ими же реальных сил, заполняющих вакуум после краха старой государственности. Эти силы в период переворота могут активизироваться, консолидироваться, но не могут возникнуть из ничего, из романтических иллюзий. Они всегда стоят позади социальных параноиков, вызывающих на уши архаичные толпы, и вовсе не потому, что это злодеи, плетущие нити заговоров. Просто они олицетворяют (возможно, сами того не осознавая) некоторый прядок вещей, некий принцип выживания частично уже существующий, частично потенциально вырастающий из массового образа жизни. Попытка утвердить этот вариант выживаемости происходит в столкновении, а возможно и в диалоге, с другими вариантами выживаемости, которые также могут корениться в массовом образе жизни.

Важная сила, которая существовала в России давно,— *хозяйственные монополии*. Они принципиально отличны от западных монополий, так как возникли в дорыночных условиях и опирались на исключительную роль дефицита в советском обществе. Часть таких монополий на дефицит могла не выдержать падения спроса после начала хозяйственной реформы и уменьшения или прекращения помощи им со стороны государства. Однако другая их часть, срачиваясь с государственным аппаратом и одновременно с криминальными структурами, приобретает мощное влияние в регионах и в масштабе всего общества. После падения государственности СССР выявилось (впрочем, это и раньше было ясно), что Россия — страна монополий, больших и маленьких, вплоть до микроскопических. Весь строй ее жизни пронизан монополизмом.

Он пришел в современность еще из дорыночных отношений. Любое дело в России всегда требовало «крыши», прикрытия. Это мог быть помещик, дававший крестьянину «руль на обзаведение», чиновник, царь, община. В советский период была сделана попытка довести данный принцип до крайнего предела и превратить страну в одну гигантскую сверхмонополию. Однако исключительная сложность такой сверхмонополии снизила ее выживаемость ниже необходимого минимума. На всех этапах она отличалась неустойчивостью, несмотря на далеко зашедшее стремление слить власть, хозяйство, идеологию. Сегодня мы переживаем очередной этап перестройки этой монополии, ее распада на локальные монополии, которые должны одновременно противостоять рыночным тенденциям. Эти монополии достаточно сильны, и связь между ними представляет мощную силу на всех уровнях общества, которое как в хозяйственной, так и в политической сфере еще слабо борется с системой монополизма. Весь этот процесс свидетельствует о том, что силы выживаемости структурируются в значительной степени локалистским образом. Такое положение несет опасность выживаемости целого.

Проблема прогнозирования жизнеспособности

Цикличность российской истории открывает возможности прогнозирования изменений значимых параметров развития страны, в частности ее жизнеспособности. Циклы истории свидетельствуют, что после того как локализм, дойдя до высшей точки влияния в обществе, обнаруживает свою нефункциональность, на смену ему приходит авторитаризм. Однако в истории нет автоматизма, и наличие иных тенденций позволяет полагать, что не все так просто.

Крах советской системы можно рассматривать как банкротство выживаемости, основанной прежде всего на принудительных методах и связанной с перекачкой силами государства ресурсов на угрожаемые участки. Подобные методы давали ограниченный во времени эффект, но при этом разрушали органические основы выживаемости, способность повышать жизнеспособность. Рост ценности индивидуальной жизни, который был подготовлен всем предшествующим развитием утилитаризма и либерализма в России, открывает определенные возможности для органического развития, восстановления выживаемости, повышения жизнеспособности. Вероятность развития этого процесса повышает шансы власти, опирающейся на либеральные ценности (последовательно или нет — другая проблема) и рост развитого утилитаризма.

Такой ход событий возможен в условиях спокойного развития страны, максимального избегания

вооруженных конфликтов. Последние не только истощают ограниченные ресурсы, но и разрушают нравственные основания личности, резко усиливают позиции криминальных элементов внутри системы отношений между хозяйственными сообществами, между ними и государством. Ведь в условиях войны растет число людей, привыкших решать свои проблемы насилием, не останавливаясь перед убийством. Сегодня участие в войнах — непозволительная роскошь для страны, где разрушена привычная система отношений и не сложился новый, достаточно устойчивый порядок. Война, всегда требующая большого внутреннего напряжения, в ситуации распада толкает общество к поиску любого твердого основания, каковым для многих вполне могут стать архаичные структуры.

Культивирование санкционированного в военных условиях насилия усиливает в обществе позиции экстремистского манихейского разрушительного типа нравственности, стимулирующей решение проблемы на основе попыток «задавить» противника, а затем и оппонента в споре. Это порождает бесконечную цепь взаиморазрушений, дезорганизации, усиливает значимость примитивных форм выживаемости, разрушительных для жизнеспособности большого общества, для преодоления раскола.

Сложность прогнозирования дальнейшего развития событий в России в значительной степени связана с необходимостью теоретического осмысления исходной точки этого развития. Необходимо определить точку выхода России из «общества низшего класса» [3], которое она пыталась у себя построить в XX веке.

Но в расколоте общества нет однозначного ответа на вопрос об исходной точке. Это, с одной стороны, монополистическое сообщество разной степени общности в диапазоне между малой группой и обществом в целом. Одновременно это и личность, выходящая из коллективизма и пронизанная утилитаризмом. В условиях мирного развития можно ожидать медленного нарастания утилитаризма, включая его развитые формы. Этот процесс сам по себе создает условия для развития как форм выживаемости, связанных с рынком, с развитием экономики, так и форм выживаемости, противостоящих обществу и существующих за его счет, разрушительных для него, криминальных. Общество может реализовывать развитие утилитаризма как с преобладающим креном в сторону органического развития, так и с креном в сторону разрушительного растаскивания общества, т.е. идти по пути роста выживаемости части за счет целого. Пока еще трудно выявить определяющую тенденцию. Налицо «непрестанные метания между тоской по авторитарному порядку и надеждами на демократию, между цивилизационными стремлениями и тягой к агрессивному изоляционизму» [4].

В принципе, прогноз всегда есть прогноз определенных альтернатив форм выживаемости, путей развития жизнеспособности, возможность выбора между которыми (точнее — возможность преобладающего крена к тому или иному полюсу, выработка сложного пути между ними) никогда не равна нулю. Важнейший выбор сегодня — между попытками поддерживать выживаемость в той или иной степени за счет реального и потенциального снижения жизнеспособности (что является важным проявлением раскола) и стремлением развивать жизнеспособность, обеспечивающую выживаемость общества на неопределенно долгий срок. Второй путь должен исключить ее неожиданный крах в результате длительного варварского использования ресурсов. Речь не идет лишь о криминале, но и таком использовании ресурсов, которое мало отличается от его растранижения (например, по образу А. и Б. Стругацких, о забивании гвоздей микроскопом), об истреблении квалифицированных специалистов, их изгнании или использовании на уборке картошки и т. п., о стремлении низводить труд до примитивных форм в рамках примитивных отношений.

Рост утилитаризма и либерализма важен и в связи с тем, что они стимулируют новые формы интереса к жизни, связанные с благосостоянием и высшими ценностями, неотделимыми от ценностей личности в открытом мире. Эти ценности — важный стимул борьбы за выживаемость.

Усиление жизнеспособности России

Основная проблема выживаемости и жизнеспособности современной России — поиск более эффективных путей их обеспечения, что уже само по себе делает необходимым отказ от стремления утвердить абсолютный статичный идеал. Это, в свою очередь, требует преодоления раскола между двумя типами ценностей и в конечном итоге движения общества к либеральной цивилизации.

Сложность указанной проблемы заставляет людей обращаться за рекомендациями к науке. Это естественно, но важно также преодолеть традиционное в нашей стране ожидание чуда как от рекомендаций, так и от действующего правительства, которому якобы стоит лишь найти «реальное решение», захотеть его выполнить, и проблема будет почти автоматически решена. Любые, самые лучшие реко-

мендации создают лишь определенные мутации идей. Только в случае, если общество активизирует свои жизненные силы в борьбе за повышение жизнеспособности, эти мутации будут востребованы.

Позитивные рекомендации не могут быть начаты с технологии. Они способны лишь задать некоторое направление движению мысли и ценностей, которые подлежат непрерывной конкретизации. Позитивная рекомендация должна заключаться прежде всего в необходимости диалога, отказа от пассивного ожидания приказов, инструкций, указаний. Речь идет о диалоге, включающем конструктивную критику прошлого опыта и взаимодействие между наукой и обществом, личностью и государством. Важнейшим предметом диалога целесообразно сделать исторические циклы развития России со сменяющимися друг друга соборно-локалистским и авторитарным типами выживаемости и жизнеспособности. Диалог должен быть направлен на превращение элементов этого цикла в полюса диалога, на перевод их в идеальный план, в диалог идей, с тем чтобы постоянно искать новые, более эффективные варианты. Одновременно диалог — это путь возрастания уровня рефлексии, роста личной ответственности за себя, за мир, формирования ответственной жизни в большом мире, в истории и в своей повседневности.

Еще недавно, в начале XX века, российский крестьянин, избивая богатого соседа и не давая ему выйти из общины, воплощал страстное стремление вернуться к выживаемости, жизнеспособности древних локальных миров на основе унификации и уравнительности. Это был самоубийственный вариант истории. Сегодня опыт истории подсказывает поиск другого варианта формирования выживаемости и жизнеспособности. Дело лишь за тем, чтобы не только услышать эту подсказку, но и превратить в повседневную заботу ее конкретизацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А. С. От культурологического к социокультурному анализу инноваций в обществе // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1996. № 2.
2. Ахиезер А. С. От прошлого к будущему. М., 1994.
3. Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. Гл. 4.
4. Левада Ю. А. «Человек советский» пять лет спустя // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 1. С. 11.

А. Ахиезер, 1996